

К вопросу о практике конструирования нарративов в психоанализе

Психоанализ уже давно перестали рассматривать в качестве научной дисциплины. И все же споры о его конкретном статусе до сих пор не прекращаются. Причиной этому может служить то, что В. Мазин обозначил как промежуточное положение психоанализа между философией и медициной, которое «предполагает не только междисциплинарное распространение, неограниченное рассеяние, но и создает определенные трудности» [1]. С одной стороны, психоанализ действительно не попадает под определение научной дисциплины, хотя и разрабатывался З. Фрейдом с целью занять место наравне с различными науками, изучающими человека в его различных аспектах жизнедеятельности. С другой стороны, психоанализ все-таки сформировал определенную парадигму мышления в европейской культуре, став неотъемлемой частью повседневности.

На наш взгляд, наиболее удачным подходом к определению статуса психоанализа является нарративный подход. Центральное место в нем как раз отведено понятию нарратива – рассказа, который конструируют люди и затем передают друг другу из поколения в поколение. Другими словами, речь идет о том, что люди создают рассказы разного рода – о себе, о других людях, о событиях, которые происходят вокруг них, – затем легитимизируют их и считают реальными, в то время как на самом деле это просто языковые конструкции, которые подвержены постоянным изменениям и переписываниям.

Например, в отношении проблемы самости П. Рикер, который считается основателем нарративного подхода в континентальной традиции философии, пишет следующее: «а) знание самого себя – это интерпретация; б) интерпретация самого себя, в свою очередь, обнаруживает, что

привилегированным посредником среди других знаков и символов является рассказ; в) этот посредник заимствует из истории столько же, сколько и из художественных произведений, превращая историю жизни в вымышленную историю или, если вы предпочитаете, в историческую прозу, сравнимую с теми биографиями великих людей, в которых можно найти сочетающиеся друг с другом историю и вымысел» [2]. По сути, П. Рикер стремится преодолеть традиционно постулируемое различие между реальностью и рассказом о ней, утверждая, что сама реальность рассказом и создается. В случае с самостью рассказ обо мне и есть моя самость; никакой скрытой онтологической сущности, которой я обладаю от природы и которую должен раскрыть в течение моей жизни, не существует.

Чем же тогда занимается психоанализ, если мы посмотрим на него сквозь призму нарративного подхода? Нарративист мог бы дать нам следующий ответ: психоаналитик с помощью теоретического аппарата, разработанного в рамках психоанализа, создает рассказ о пациенте и предлагает его последнему. Процесс интериоризации пациентом этого рассказа осуществляется во время сеанса приема и продолжается до тех пор, пока он не «излечится» – т. е. до тех пор, пока он не станет рассказывать о себе самом все то же самое, что ему рассказывал психоаналитик во время их сеансов. Окончательно сконструировав свою самость в терминах «Эдипова комплекса», «невроза навязчивых состояний» и «подавления Эго Сверх-Я», уже бывший пациент будет представлять себя окружающим и, прежде всего, самому себе как человека, страдающего или страдавшего от детской привязанности к матери и, как следствие, от неудовлетворенности своей нынешней сексуальной жизнью.

В процессе прохождения психоанализа у пациента сменяется один нарратив на другой – не-психоаналитический на психоаналитический. И если этот новый нарратив помогает индивиду успешнее справляться с воздействием возлагаемых на него требований и ограничений социума, то он продолжает рассматривать себя и реальность вокруг него с предложенной ему

психоаналитической точки зрения. Как только такой нарратив ослабевает или устаревает, индивид оказывается в ситуации кризиса: старый нарратив более не удовлетворяет условиям существования, а новый еще не сконструирован.

Благодаря рассмотрению психоанализа как одного из существующих в современном обществе видов практики конструирования нарративов становится понятно, почему психоаналитическое «лечение» не всегда дает результаты. Дело в том, что разные люди конструируют разные нарративы, и условием возможности интериоризации нарративов, предлагаемых им другими, в полной мере является тот самый первичный нарратив (или нарративы), в который их включили с момента рождения. Устойчивость подобного первичного нарратива для индивида варьируется в зависимости от внутренней устойчивости самого нарратива, а также от внешних условий окружающего мира: некоторые нарративы бесследно исчезают из поля социальности, а некоторые продолжают сохраняться на протяжении многих лет.

Еще одним преимуществом нарративного подхода является его способность дать объяснение временным рамкам психоаналитического «лечения». З. Фрейд ставил вопрос о том, каков критерий окончания анализа пациента и возможно ли вообще когда-либо его окончить [3]. С позиции нарративиста, психоаналитический рассказ о себе завершен тогда, когда на его место приходит другой рассказ: процесс интериоризации психоаналитических способов описания себя длится ровно столько, сколько конструируется рассказ о себе; там, где психоаналитические способы описания перестают удовлетворять индивида и он стремится создать новый рассказ или переписать части уже существующего, психоаналитик будет говорить о том, что анализ не был доведен до конца, хотя в действительности речь идет лишь о том, что индивид находится в процессе конструирования нового рассказа, нового себя.

Литература

1. *Мазин В.* Субъект Фрейда и Деррида. СПб., 2010. С. 17.
2. *Ricoeur P.* Narrative Identity // *Philosophy Today*. 1991. Vol. 35. № 1. P. 73.
3. *Фрейд З.* Анализ конечный и бесконечный. URL: <https://psychoanalysis.pro/491/freud-analiz-konechniy-i-beskonechniy> (дата обращения: 31.03.2017).